

Дэвид Боукер

СМЕРТЬ, КАКУЮ ТЫ ЗАСЛУЖИЛ

«Криминальное чтение XXI века!»
NME

Злыдень

Дэвид Боукер

Смерть, какую ты заслужил

2003

Боукер Д.

Смерть, какую ты заслужил / Д. Боукер — 2003 — (Злыдень)

Манчестерскому «крестному отцу» НЕ ПОНРАВИЛИСЬ творческие усилия «литературного негра» Билли, который должен был за неплохие денежки сделать из его мемуаров ЛИТЕРАТУРНЫЙ ШЕДЕВР. Как быть? «Заказать» мерзавца самому дорогому киллеру города! Но к большому несчастью заказчика, киллер – ЛЮБИМЫЙ ДРУГ ДЕТСТВА потенциальной жертвы, ставящий сантименты ВЫШЕ пошлых финансов. Вместо того чтобы уничтожить Билли, он решает ВПЛОТНУЮ ЗАНЯТЬСЯ ЕГО БЕЗОПАСНОСТЬЮ И КАРЬЕРОЙ. Как? В НЕПОДРАЖАЕМОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МАНЕРЕ!..

Содержание

1	5
2	12
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дэвид Боукер

Смерть, какую ты заслужил

Моим учителям английского языка и литературы с извинениями

1

Хотя каждое слово в этой повести правдиво как отчаяние, я не жду, что мне поверят.

Э. Несбит. «В полный рост в мраморе»

Билли ненавидел Манчестер. Он ненавидел его вокзал Пиккадилли, «Театр Королевской Биржи» и то, как в отеле «Молмейсон» не открываются окна. Он ненавидел телеведущих из Манчестера, особенно Тони Уилсона. Он ненавидел «Манчестер юнайтед» и «Манчестер сити» и всех их болельщиков. Он ненавидел популярные манчестерские дуэты, включая Дылду и Кроху, Брайана и Майкла, Столкера и Эндертон. Он ненавидел Арндейл-центр и до, и после теракта ИРА. Он ненавидел закопченные манчестерские здания и их неприязненные фасады и угрозу неминуемой смерти в воде, притаившуюся в вонючих каналах.

Но ненавидеть Манчестер было богоданном правом Билли Дайя, потому что он здесь родился. Он вырос, чувствуя на щеке отдающее пивом дыхание санта-клаусов в универмаге «Льюис». В Садах Пиккадилли за ним крались извращенцы. На Бельвью в него плевали дети татуированного отребья. Его обчистили на Гасьенде, и в два часа ночи он улепетывал по Оксфорд-роуд от убийц, которым нечем заняться.

В Манчестере Билли чувствовал себя живым. Тут его место. Если приезжие критиковали его город, Билли невольно бросался на его защиту. И потому так вышло, что криминальные элементы Манчестера интересовали его больше, чем какие-либо еще преступники на планете.

В предрождественскую неделю, ту самую, когда его бросила подружка, а четвертый его роман вышел без единой рецензии, ему неожиданно позвонил Малькольм Пономарь. Как многие коренные манчестерцы, Пономарь был болезненно тучным и розовощеким и вопреки всей очевидности продолжал болеть за футбольный клуб «Манчестер сити». Но Пономарь был знаменитым гангстером. Его банда «Пономарчики» контролировала Большой Манчестер, и ходили слухи, что Пономарь держит своих парней в ежовых рукавицах.

Голос в трубке подходил к виденной Билли фотографии: высокий, с одышкой, хриплый от мокроты и бравяды.

– Кажется, ты пытался получить гребаное – как оно там... – интервью со мной, – без предисловий начал Пономарь.

Это было правдой. Как у большинства сомнительных личностей, у Пономаря был прикормленный пиарщик: озлобленный на жизнь бывший учитель по фамилии Босуэл, цеплявшийся за свою неспособность поддерживать прочные дружеские отношения как предлог не перезванивать. Несмотря на настойчивость Билли, Босуэл клялся и божился, что у Билли больше шансов публично отыметь премьер-министра в прямом эфире, чем поговорить с Малькольмом Пономарем.

А теперь ни с того ни с сего злодей, правящий Манчестером и регулярно отправляющий старших офицеров полиции в заслуженный отпуск на Гавайи, «подвинул» своего пиарщика и сам позвонил Билли домой поздно ночью, когда писатель был пьян, а его самооценка опасно приблизилась к нулю.

– Только что проснулся? – спросил Пономарь. – Голос у тебя, ну, сам знаешь...

– Честно говоря, я дрочил, – солгал Билли в расчете на оригинальность.

– О ком? – без заминки деловито спросил Пономарь.

– То есть?

– О ком думал, пока дрочил?

– Это мое личное дело, вам не кажется? Пономарь фыркнул.

– Ты первый, мать твою, начал. Ты первый стал выделяться под крутого и пречестного, назвавшись дрочком.

– Я не выделялся. И я не дрочок.

– Знаешь, что я тебе скажу? Тогда ты и не писатель, – сказал Пономарь. – Я видел брехню, которую ты написал про алкоголизм среди актеров «Улицы Коронации»* [*Популярный телесериал о повседневной жизни нескольких семей с одной улицы на севере Англии. – Здесь и далее примеч. пер.*]. И знаешь, что? Хреново ты пишешь.

– Только потому, что читаю не чаще раза в месяц. Пономарь не рассмеялся.

– Этой статейкой ты многих оскорбил, включая мою мать.

– Почему? Она играет в «Улице Коронации»?

– Нет. Лечится от алкоголизма. – Повисло долгое молчание. – Ладно, я не затем звоню. Большинство журналистов, кто обо мне пишет, из Лондона. Я подумал, было бы неплохо поговорить ради разнообразия с кем-нибудь из местных, с кем-нибудь, кто не слишком много знает и у кого, возможно, поменьше предубеждений насчет того, кто я и что я. В общем и целом, с тупицей вроде тебя.

– Понятно, – отозвался Билли, сознавая, что его испытывают.

– Так о чем будет интервью? – рявкнул гангстер. У Билли было такое чувство, что он и так знает ответ, поэтому покорно сказал:

– О Малькольме Пономаре. О том, кто он и что он.

– В точку.

Они встретились в «Марокканце», фешенебельном ресторане, который Пономарь держал в Динсгейте.

Нет, это был не деловой ленч. Для этого Билли был слишком мелкой сошкой. Ему велели прийти к десяти. Как можно было предположить, Пономарь заставил его ждать и протиснулся через вращающиеся двери вскоре после одиннадцати, в компании высокого мрачного шестерки с типичной для Манчестера скверной стрижкой. О шестерке Билли предупредили, а вот о стрижке нет.

Но наихудшим сюрпризом оказался Босуэл. Будучи ветераном бесчисленных очерков о знаменитостях, Билли знал: если пиарщик настойчиво желает нянькаться с клиентом, ничего хорошего не жди. Это предполагает, что пиарщик не доверяет журналисту и беспокоится, как бы интервьюируемого не скомпрометировали. Откровенно говоря, Билли и сам бы себе не доверился. Но от гадины вроде Босуэла это было серьезным оскорблением.

Пиарщик был жилистым мужичонкой при бороде и очках в стальной оправе. Он все время улыбался или, точнее, нервно гримасничал, словно боялся, что его ударят. Вероятно, потому что сидеть ему выпало рядом с Малькольмом Пономарем.

Шестерка примостился на барном табурете у стойки, где дулся и ел арахис с блюда. Билли, Пономарь и Босуэл заняли стол у окна. Пономарь сел к окну спиной, что позволяло ему видеть разом Билли, весь ресторан и входную дверь по правую руку. Пономарю было лет пятьдесят пять: среднего роста, с круглым животом, огромными руками и плечами, над которыми полностью отсутствовала шея. Воняло от него сигарами и дорогим лосьоном после бритья. Из-за безвкусно крашенных каштановых волос и невозможно розовых щек он выглядел

так, будто над ним потрудились тот же малый из похоронного бюро, который так поизмывался над покойным дядюшкой Билли.

Как водится среди закоренелых преступников, лицо у Пономаря было почти комично-грубым. Но посмеяться мешала (помимо вполне понятного желания избежать физической боли) сама его аура. Не столько харизма, сколько всепроникающие психические миазмы, которые медленными, мерными волнами распространялись от его массивного тела и как будто говорили: «Я мог бы тебя покалечить. Скорее всего я получу удовольствие, калеча тебя. Я каждый день кого-нибудь калечу».

Билли побаивался Малькольма Пономаря. А когда Билли боялся, то атаковал, не думая, что говорит. Началось интервью не с той ноты. Первым вопросом Билли было:

– Кто ваш любимый философ?

Пономарь уставился на Билли приблизительно так же, как на пятно спермы на гостиничном покрывале. Прошло секунд двадцать, прежде чем он заговорил:

– Ты еврейчик? Я не против. Просто интересно.

– Не ваше дело, – отрезал Билли.

– Вопрос, который ты мне только что задал. По мне, так чисто еврейский вопрос. Пойми меня правильно. Я против евреев ничего не имею. Просто думаю, что им надо бы вернуться в Ветхий Завет.

Заметив, что в диктофоне крутится пленка, нервно вмешался Босуэл:

– Мальк не расист.

– Расист? – вскинулся гангстер. – Да как я могу быть расистом?! Да я для ленивых иммигрантов сделал больше любой другой сволочи. Я отдал миллионы клубам для голубых мальчиков в Манчестере и окрестностях. Я даже собирал деньги на благотворительность, чтобы дамочки заваривали чай умирающим гомикам. И это у меня какие-то предубеждения? Я вас спрашиваю? Какие?

– Не знаю, – осторожно ответил Билли.

Пономарь однако уловил нюанс.

– Что значит не знаешь? – вскинулся он.

– У Малька нет предубеждений. Никаких, – настойчиво встрял Босуэл.

– Не умничай со мной, приятель, – мягко предостерег Пономарь. – Мой ресторан я назвал в честь темнокожего. Марокканцы ведь темнокожие, так?

И в доказательство он протянул рекламный коробок спичек с грубой карикатурой на араба в феске. Постаравшись не рассмеяться, Билли потихоньку убрал спички в карман.

– Слушай сюда, – гнул свое Пономарь. – Ты можешь быть любой национальности, и все равно тебя пустят сюда обедать, мне хоть бы хны. Свершено плевать. Если уж на то пошло, черные сюда не ходят только потому, что им не по карману цены белого человека.

Билли глянул на диктофон, радуясь, что все записывается.

Перехватив его взгляд, Пономарь подался вперед – во всяком случае, настолько, насколько позволяло брюхо. В его глазах не было злобы, только откровенность и легкое веселье.

– Дружеское предупреждение, приятель. Не зли меня. Такого врага, как я, никому не пожелаешь, уж ты мне поверь.

Слова сорвались у Билли с языка прежде, чем он успел подумать:

– И, уж конечно, друга тоже.

Босуэл изменился в лице, став цвета сала. Шестерка у стойки, который как будто не слушал, вдруг соскочил со своего насеста и направился к Билли. Свирепо глянув на нахала, он перевел взгляд на Пономаря, ожидая только знака, любого знака, что босс желает, чтобы журналиста порвали на части. Но, улыбаясь как злобный Будда, Пономарь отослал его взмахом руки. Заметно сдувшись, шестерка отступил.

Надеясь снять напряжение, Босуэл вскрыл пакетик «Имбирных Маквитти с орехами» и предложил одно Билли. Билли имбирное печенье не любил, но все равно взял одно.

– Итак, как вы бы сами себя описали? – робко начал он.

– Жирный гад, – отозвался Пономарь. – А ты себя?

Не в силах придумать оригинальный ответ, Билли ляпнул:

– Популярнее Иисуса.

И тут Пономарь Билли удивил:

– Гребаная ложь. Никакой ты, мать твою, не популярный. Твой единственный кореш – коп. А это – посмотрим правде в глаза – все равно что вообще не иметь друзей. Тебя никто на любит.

Сияясь взять себя в руки, Билли сказал:

– Такие, как я, приобретают популярность задним числом. – И вдруг вспомнил, что надо бы возмутиться: – Откуда вы знаете, что я никому не нравлюсь?

– Навел справки. И выяснилось, что ты гребаный нищий. И крыша над головой у тебя есть только потому, что покойная бабуся оставила тебе свой домишко. Ты наглое, докучное шило в заднице.

Билли растерялся.

– Тогда почему вы даете мне интервью?

– Потому что однажды ты написал очень симпатичную статейку про игрока из старого «Сити» по имени Фрэнсис Ли.

– Вы шутите, правда?

– Нет, так уж вышло, что Фрэнсис мой кумир. Он играл в те времена, когда «Сити» были на коне.

– Значит, поэтому я здесь? – изумился Билли. – Потому что однажды напился со старым футболистом?

Пономарь широко ухмыльнулся.

– Ну уж точно не из-за смазливой внешности.

Повисла тишина. Пономарь подчеркнуто поглядел на часы.

– Пять хреновых минут, а у него уже кончились вопросы.

– Как по-вашему, вы приобрели репутацию гангстера?

– Господи, помоги! – устало протянул Пономарь и умолк, чтобы закурить тонкую панетеллу. – Аты как, мать твою, думаешь, бестолковщина?

– Значит, вы закоренелый правонарушитель? – спросил Билли. Обычно он так не выражался. Он цитировал старый фильм «Томас Танковый Мотор», просто чтобы проверить, заметит ли Пономарь. Но гангстер, очевидно, не был фанатом «Томаса».

– В прошлом я нарушал закон. Подтвержу под присягой, – объявил Пономарь, поднимая пухлую розовую ладонь. – Я родился и вырос в Гульме, а край там бедный. Когда я был ребенком, у нас не было ничего. Я этого не знал, потому что у всех вокруг тоже ничего не было. Папа с мамой тут не виноваты. Они были хорошими людьми и всю свою жизнь работали не покладая рук. И какую награду они получили за свои труды? Несколько гребаных пенни.

Затем последовала скучная сентиментальная речь о том, как отец Пономаря умер трагически молодым в возрасте шестидесяти семи лет и потому не дожил до того дня, когда сын завел директорскую ложу на стадионе «Манчестер сити».

– Старик так и не увидел, каким я стал крутым. У меня денег больше, чем у кого-либо в гребаной истории Манчестера. У меня яхта хренова шире Оксфорд-роуд. Завтра я мог бы перебраться в Португалию, если бы захотел. Да я мог бы купить Португалию, мать ее. Я мог бы купить все, что мне понравится, включая тебя.

– Значит, я вам нравлюсь? Пономарь рассмеялся.

– Ты о чем, мать твою?

– Вы только что сказали, что можете купить все, что вам понравится. Выходит, я вам нравлюсь.

– Да от тебя с души воротит, уродливая ты задница.

– Вы признаете себя преступником?

– Я и есть гребаный преступник, приятель. Второго такого нет.

– И у вас есть банда. Под названием «Пономарчики».

– Ха, банда! Это движение, мать твою! – Он скривился на Босуэла, погрузившегося в собственные унылые мысли. Шестерка улыбнулся и кивнул, словно говоря: «В яблочко».

– Тем не менее в тюрьме вы были лишь однажды. Как так вышло?

– Потому что у меня есть деньги, и люди меня боятся. Поэтому мне всегда удавалось найти придурка, который отбыл бы за меня срок. Но если ты это напишешь, то Рождество проведешь в сраном гробу.

– Значит, о преступности вы говорить не хотите. Тогда о чем же вы хотите поговорить?

Без всякого предупреждения злое комичное лицо сложилось в маску благочестия.

– Я уйму чего сделал для благотворительности, мать ее. Пора общественности и прессе это заметить.

Следующие восемь минут Пономарь разглагольствовал о своих трудах на благо инвалидов. Не тех, кому он лично помог приобрести инвалидность, но о детишках на костылях, которых так горячо любят все прирожденные сволочи.

– У меня сердце кровью обливается, – заключил он. – При виде этих малышей у меня сердце кровью обливается. Но кто-то же должен им помогать.

После краткого неуважительного молчания Билли спросил:

– Не ошибусь ли я, сказав, что у вас есть друзья в полиции?

– У меня повсюду друзья, приятель. Мне повезло. Однозначно.

– И вы отправили Дерек Паркса, заместителя начальника полиции Большого Манчестера, на Ямайку после смерти его жены?

– Отвали.

– Мистер Паркс один из ваших друзей?

Слегка приподнявшись, Пономарь подался к Билли, так что его брюхо легло на стол. Он придвинулся так близко, что Билли ощутил вонь сигары.

– Который из слогов в «от-ва-ли» ты не понял?

– Сколько у вас денег? – спросил вместо ответа Билли.

– Чертовски больше, чем у тебя.

– Видно, да?

– Еще как, – отрезал Пономарь. – На самом деле, когда ты сюда вошел, я подумал, ты хочешь всучить мне подписку на «Энциклопедию». – Пономарь кивком указал на кольцо с черным черепом на пальце у Билли. – Ты только посмотри, что у тебя на руке, мать твою! Словно в грошовую лотерею выиграл.

Билли зевнул, но Пономарь еще не закончил:

– Для кого эта статья?

– Для «Блэг». Мужской журнал о моде.

Босуэл с жаром закивал:

– Хороший журнал. Двух мнений быть не может.

Пономарю было глубоко плевать.

– И сколько тебе заплатят?

– В зависимости от объема текста. Сотен пять, наверное.

– И все? Я ради такого с кровати не встану.

– Вы когда-нибудь убивали?

– Какой гладкий переход! – Пономарь довольно ухмыльнулся. – Как мои слова о том, что я не встану с кровати, подвели тебя к этому вопросу?

– Я вдруг подумал про всех тех, кто вас разозлил и больше никогда с кровати не встанет. Пономарь потряс кулаком.

– У большинства обычных придурков на насилие кишка тонка. А если нет, они останавливаются, когда у самих кровь идет или если пустили кровь другим. Тут есть, понимаешь ли, разница. Я не останавливаюсь. Я продолжаю, пока у гадов ни капли крови не останется. Но предупреждаю: если это напишешь, тебя ждет то же самое.

– Откуда вы знаете, что победите? – довольно глупо спросил Билли.

Пономарь нахмурился.

– Что ты несешь?

– Если попытаетесь меня убить, откуда вы знаете, что победите?

– Что, мать твою? – не веря своим ушам, рассмеялся Пономарь.

Поджав побелевшие губы, Босуэл решил, что пора вмешаться:

– Все. Интервью окончено.

Но Пономарь выбросил вверх руку, затыкая пиарщика.

– Еще секундочку, мать твою. Давай-ка внесем ясность. Ты хочешь сказать, что если мы подеремся, мы с тобой, лицом к лицу... Ты хочешь сказать, что меня завалишь?

Билли опустил глаза, так как где-то читал, что, встречаясь взглядом с гориллой, обязательно ее провоцируешь.

– Я ничего не утверждаю. Вы крупный человек. Но знаете, мне, возможно, повезет. Людям ведь везет.

– Не таким, как ты, – безразлично ответил Пономарь.

Изо всех издевок гангстера эта оказалась самой болезненной. В глубине души Билли Дай всегда считал себя проклятым. Он был странным, а странность сама по себе проклятие. Он не носил женскую одежду, не вожделел к животным, не намазывался каждое полнолуние клубничным джемом. Но не проходило и дня, чтобы он не думал про всех тех, кто умер и превратился в призраков. А еще он писал рассказы и романы в жанре хоррор. Мало кто думает о призраках, и еще меньше пишут рассказы ужасов, поэтому рынок для книг Билли и, если уж на то пошло, для самого Билли был пугающе мал. Но, предположив, что писатель неудачник, что ему никогда не повезет, Пономарь разбередил его глубочайшие страхи.

Повисла долгая тишина, которую Билли нарушил, задав свой последний вопрос:

– У вас есть невоплотившиеся амбиции? Пономарь на минуту задумался.

– Да, – наконец сказал он. – Мне бы хотелось сжечь дотла город Ливерпуль.

– Почему?

– Что значит почему? Ты когда-нибудь там бывал?

Тем вечером, вернувшись в ветхий домик на Альберт-роуд, Билли дважды прокрутил запись интервью. После первого прослушивания он почувствовал, что его как будто вывалили в грязи, ему стало стыдно. Ему показалось, он дал Пономарю легко отделаться, позволил жирному Мальку увернуться от всех вопросов, кроме самых банальных. Проще говоря, Билли решил, что провалился как журналист. Но журналистский провал еще не обязательно повод для самобичевания. Можно потерпеть неудачу в профессиональном плане и тем не менее победить в человеческом. Однако Билли, который требовал от себя слишком много, счел, что провалился по обеим статьям.

Но позже, уже пропустив пару рюмок рома, он прослушал запись еще раз и осознал, что если сохранить все то, что Пономарь требовал выбросить, то статью еще можно спасти. Подгоняемый алкоголем и непутевым энтузиазмом, он взялся за работу. К двум утра статья была закончена. В ней остались вся похвальба, все оскорбления и пустые угрозы, и этого было

более чем достаточно, чтобы упрочить за Малькольмом Пономарем славу злобного паразита. Преисполненный ликования, но слишком пьяный, чтобы встать, Билли лег на диван и закрыл глаза.

2

Но бежал я напрасно! Мой злой гений, словно бы упиваясь своим торжеством, последовал за мной и явственно показал, что его таинственная власть надо мною только еще начала себя обнаруживать.
Эдгар Алан По. «Вильям Вильсон»

Тони помахал рукой перед лицом Билли.

– Эй? Есть тут кто?

Выкашляв облачко пахучего дыма, Билли рассеянно передал косяк Тони. Заметив его остекленевший взгляд, Тони толкнул друга локтем.

– Билл? Ты в порядке? Билли поежился.

– Ага. Просто приход слишком уж странный. Мне показалось, я увидел кое-что...

Тони, отмахиваясь, рассмеялся.

– Я же говорил, с одного пыха берет. Вот почему идет по сто тридцать за унцию.

– Мне не по карману, – отозвался Билли.

– Сто двадцать, и я граблю самого себя.

– Как ты можешь грабить себя, Тони? Трава ведь тебе ничего не стоила. Ты же ее украл, черт побери.

Тони был невысоким и угловатым, с высокими скулами и тонким точеным лицом. Он служил детективом в отделе наркотиков, и было сомнительно, что до пенсии его повысят – вследствие отвращения к ответственности и прогрессирующей кокаиновой зависимости. Тони только что сменился. Утром ему доверили выгрузить из сейфа и отвезти на сжигание внушительный запас запрещенных законом веществ. Но в огне погибла лишь половина груза. Вторая необъяснимым образом осталась в багажнике «вокс-холла кавальера» Тони и теперь поступила в продажу родным и друзьям. Но сегодня Билли не покупал.

– Да нет, можешь, конечно, можешь купить, – насмешливо подстегнул Тони.

– Наверное, мог бы, если бы захотел. Но я завязал. Ассоциации неприятные.

– Какие еще ассоциации? «Ассоциация продажных офицеров полиции»?

– Я хочу сказать, мне не нравится то, почему я принимаю искусственные стимуляторы.

Тони так пыхнул косяком, что тот уменьшился на добрый дюйм.

– У тебя депрессия, Билл, и это потому, что тебя бросила девчонка. Но, честно говоря, пусть Никки смазливая, но груди-то у нее нет. В некотором смысле это благословение.

Друг хотел сказать что-нибудь доброе, но на Билли его аргумент не произвел впечатления. Тони же не отставал:

– Какие причины?

– А?

– Какие причины тебе не нравятся?

– Ну знаешь, даже с травой у меня раньше бывали небольшие озарения.

Вид у Тони стал скептический.

– Я говорю про то, когда слушаешь, как журчит ручей и слышишь музыку... и деревья мерцают как сказочные существа.

– Ах ты, Господи!

– С тобой никогда такого не случалось? Ты никогда под кайфом музыку не слышал?

Рассмеявшись, Тони покачал головой.

– Сдается, ты вообще не понимаешь, зачем наркотики, Билл. Они не для того, чтобы во что-то погрузиться. Они – того, чтобы оттуда вылезти. Потому и называются «для отдыха».

Билли как раз собирался привести убийственный аргумент про «учиться играя», когда до него дошло, что никого им не «убьет», потому что Тони все равно не поймет, о чем речь. Билли дарил Тони подписанные экземпляры всех своих книг, но друг никогда не мог дочитать до конца. Недовольство Тони сводилось главным образом к тому, что истории начинались неплохо, но потом Билли обязательно все портил, оживляя мертвецов. Тони, навидавшийся трупов за свою карьеру в полиции, еще никогда не видел, чтобы какой-нибудь встал со стола в морге, а потому считал, что книгам Билли не хватает реализма. Сам о том не зная, Тони был экзистенциалистом, полагавшим, что люди рождаются, живут хреново, а потом умирают.

Билли тоже так считал, но верил, что, когда хреновая жизнь заканчивается, дух продолжает жить. Иными словами, Билли полагал, что нашего потенциала хреновости хватит на целую вечность. В начале двадцать первого века верить в вечную жизнь немодно. Круто – принимать наркотики, быть младше двадцати пяти и так или иначе связанным с музыкой, Голливудом или индустрией моды. В таком порядке.

Тони и Билли подкуривались в кафе на Сент-Энн-сквер. У Билли были дурные ассоциации с этим местом, потому что здесь в восемьдесят пятом он ввязался в драку с манчестерской рок-группой под названием «Новый порядок». Несчастливый исход драки стал первой пробой Билли на поприще журналистики. «Новый порядок» только что выпустил новый альбом, который Билли не стал слушать из принципа. Менеджер группы отказался дать Билли кассету бесплатно, а за отсутствием лишних денег Билли не хотел тратить на то, что, как он инстинктивно чувствовал, окажется мусором.

С самого начала враждебно настроенные музыканты быстро сообразили, что их нового шедевра Билли не слышал. Бас-гитарист Питер Хук обвинил Билли в том, что он задает идиотские вопросы, а Билли вызвал его на поединок. Притер Хук, который скорее всего победил бы, от дуэли отказался. Билли ушел и написал статью о том, как не поладил с «Новым порядком».

Тем не менее ненависти к «Новому порядку» Билли не питал, считая, что музыканты были так же предубеждены против него, как и он против них. Однако он презирал кафешку, ставшую свидетелем его наихудшего журналистского провала, полагая, что кафе стояло себе в стороне, пока он выставлял себя дураком, и никак не вмешалось. Такова была одна из странностей Билли: он мог простить людей, но не места.

– Так ты правда завязал? Я тебе не верю. – Тони как будто раздражала сама эта мысль.

– Надоело хреново себя чувствовать, – сказал Билли. – Ложусь усталым и просыпаюсь усталым. Я круглые сутки вымотан, а мне только тридцать два.

– Вымотанным быть нормально, – не унимался Тони. – Все ребята в уголовке вымотаны.

Перед тем как ответить, Билли порассматривал миниатюрную елку на барной стойке. Деревце было единственной попыткой владельца приукрасить свое заведение к Рождеству. Уродливое и кривое, девяти дюймов высотой, деревце было опутано одинокой дождинкой. Истинный выродок среди елок. Наконец он сказал:

– Разумеется, мы все вымотаны. Ты свободное время проводишь, напиваясь, подкуриваясь и мастурбируя под жесткое порно.

– Не только свободное, – признался Тони. – Когда ты под прикрытием, как я, то обычно мастурбируешь и на задании. На деле это даже обязательный подход на работе.

– Знаешь, а мне просто интересно, каково это – быть здоровым?

Тони кивнул на виски с содовой в стакане Билли.

– Как вижу, выпивку ты не бросаешь. Разве выпивка не вредит здоровью?

– Рано или поздно завяжу. – Тони тут уже глумливо хмыкнул. – По одному пороку за раз.

Они помолчали, каждый вступил в унылый период полуденного питания, когда жизнь как будто состоит лишь из головной боли и писсуаров. Устав от тишины, Тони спросил:

– Приключения в последнее время были?

Польщенный вопросом, Билли рассказал другу, как в прошлом месяце отхватил эксклюзивное интервью с Малькольмом Пономарем.

– Странно оказаться так близко ко злу во плоти. И знаешь, я почти удивился, какую праведную жизнь веду. Мне даже чертов штраф ни разу не выписывали.

– У тебя даже чертовой машины никогда не было.

– Нет, послушай, послушай... я всегда воображал, будто хожу по краю. И знаешь что? Это был край пешеходного перехода. Я никогда не сходил с тротуара, не поглядев направо, налево и снова направо. Я думал, будто я Джим Моррисон. А оказывается, я гребаный Тафти!

– Кто?

– Тафти. Ну помнишь мультяшную белку, которая учит детишек правилам дорожного движения? Не играть на тротуаре, не выбегать на проезжую часть к фургону с мороженым... А, забудь.

– Но тебя наверняка за наркоту забирали?

– Ни разу. Со школы я ни во что серьезное не впутывался.

– А тогда что у тебя были за неприятности? – спросил Тони, внезапно напомнив Билли всех полицейских, которые его когда-либо останавливали и обыскивали. («Возможно, вопрос покажется вам нелепым, сэр, но вы не привлекались ли? Есть ли о вас записи в судебных архивах?») – «Да, офицер. «Для бешеной собаки семь верст не круг» группы «Осмондс».)

– Мой лучший друг пырнул кое-кого ножом.

– Хорошенький друг.

– Он был гораздо лучше придурков-копов, которые потом меня допрашивали.

Тони это неприятностями не счел. Тогда Билли рассказал ему про разгромную статью, которую он написал про Пономаря. У Тони отвисла челюсть. Вот это на его взгляд было настоящими неприятностями.

– Шутишь, да?

– Нет.

– Значит, ты сошел с ума. Иначе быть не может. Он же, черт побери, тебя грохнет.

– Не посмеет.

– Почему это?

– Власть прессы.

Наивность друга Тони просто поразила.

– Какая еще власть прессы? Когда Пономарь назначит за твою голову награду, ты думаешь, перед твоим домом поставят констебля?

– Да нет... Но едва ли его расстроит дурацкая статья в журнале.

– Проснись, Билли. Мы говорим про малого, который отрубит тебе руки топором, лишь бы поглядеть, как ты смотришься без рук.

Беспокойство Тони начало передаваться Билли.

– Ну да. Но если что-то случится, ты же мне поможешь, правда?

Тони мрачно рассмеялся.

– Я что, похож на идиота? У меня жена и дети, приятель. Слушай. Я тебе расскажу, насколько я смелый. Вчера я сидел один в патрульной машине и увидел, как кто-то паркуется на месте для инвалидов. На инвалида водитель ну никак не походил, и верно, выходит эдакий громила. Сломанный нос и плечи в милю шириной. Я показываю ему значок и говорю: «Думаю, вам лучше переставить машину, сэр». А он: «Еще слово, сынок, и я сломаю тебе шею». Я огляделся. Никто на меня не смотрел. И что я сделал? Сел в свою тачку и свалил. И пойми, Билли, любой другой коп на моем месте сделал бы то же самое.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что если ты заболеешь тяжелым гриппом, я схожу в аптеку. Что если ты поедешь в отпуск, покормлю твоего кота. Но если хочешь задевать Малькольма Пономаря, делай это на свой страх и риск.

После, пока Билли ждал автобуса, старая цыганка пыталась продать ему какой-то приносящий удачу вереск. Он отказался вежливо, но явно недостаточно, так как черные глазенки злобно сощурились.

– В новом году удачи не жди, – хмуро пообещала она

Подобно большинству писателей, Билли был суеверным и тут же начал гадать, какой облик примут его неудачи. А потом вдруг вспомнил предостережение Тони. Ему искренне не приходило в голову, что из-за статьи про Пономаря могут возникнуть проблемы. И действительно, составляя текст, Билли проявил немалую сдержанность. Пономаря он процитировал дословно, воздержавшись от привычной подтасовки фактов и придумывания ответов за интервьюируемого. Юристам Пономаря придаться не к чему. А вот кое-кому другому...

Когда он добрался домой, на придверном коврикe его ожидала свежая собачья какашка. Кто-то в его отсутствие доставил ее через прорезь для писем. В квартале Билли было обычным делом получать какашки, презервативы и тампоны от анонимных доброжелателей. Билли не знал, кто именно послал конкретно эту какашку, но в общем и целом был уверен, что она не собачья.

Может, это весточка от Пономаря? Билли почти надеялся, что это так. Тот, кто заплатил два с половиной фунта, чтобы тебе доставили какашку, не станет выкладывать еще пять сотен, чтобы тебе сломали ноги.

Свернув коврик вместе с какашкой, Билли вынес его на улицу в мусорный бак. Спускался густой желтоватый туман. Вернувшись домой, он ощутил сильный запах газа. В этом тоже не было ничего нового. Он много раз звонил газовщикам. Появлялась череда раздраженных мастеров, чтобы отыскать и изучить предполагаемую утечку. И ни разу не находили. Билли давно смирился с тем фактом, что если в чьих-то домах пахнет гренками или фиалками, в его – газом и собачьим дерьмом.

Билли приготовил себе чай. Больше всего он любил «Твиннигс леди Грей», но стыдился употреблять напиток с таким немужественным названием, а потому хранил его в гостиничной жестянке для чаевых от постояльцев. Пока чай настаивался, он посмотрел на часы. Пять минут пятого. Пол Тинкер, редактор из «Блэга», наверное, уже вернулся с ленча. Подняв трубку, Билли набрал прямой номер Тинкера. И услышал, как, взяв трубку, Тинкер сказал, как и обычно:

– Редактор.

Билли тоже подал обычную реплику:

– Я не редактор. Я просто бедолага, который пишет за редактора.

– Дай, – отозвался Тинкер, сразу узнав своего единственного автора с севера. Хотя Тинкер был родом из Гулля, немногие страницы его журнала, где действительно печатались статьи, заполняли в основном мальчишки из закрытых частных школ и лондонские молокососы. – Я так и не поблагодарил тебя за ту телегу про гангстеров. Отличная работа. Все собирался тебе позвонить...

– Как раз о ней я и хочу поговорить. Как по-твоему, еще не поздно внести кое-какие изменения?

Тинкер охнул, точно его ударили под дых.

– Поздно. Номер уже ушел в печать.

У Билли закружилась голова. На долю секунды он увидел себя на больничной койке, под вентилятором легких, кругом рыдают и молятся убитые горем родственники.

– Что? Повтори еще раз.

– Мы сверстали его пораньше, чтобы растянуть себе каникулы на Рождество. Но послушай... сейчас я говорить не могу. У меня совещание. Скоро позвоню и договоримся пообедать вместе. Когда ты в следующий раз будешь в Лондоне?

Но Билли уже положил трубку. В гостиной он включил компьютер и открыл файл с интервью. Ловя себя на том, что ему трудно читать, он пробежал глазами текст, силой воли заставляя его превратиться во что-нибудь столь же пустое и оупляющее, как интервью в «Хэллоу!». К несчастью, статья была даже более поносная, чем ему помнилось.

Какой смысл притворяться? Тони прав, а Билли – распоследний идиот. Он в пух и прах разнес человека, известного тем, что от врагов мокрого места не оставляет. И что на него нашло? Неужели жизнь у него настолько жалкая, что он бессознательно подстроил все так, чтобы с ней покончить?

Отходных путей он не подготовил. У Билли не было ни денег, ни машины. Первым слепым инстинктом было уехать к сестре Кэрол в Дисли. Они с Кэрол не ладили. Сестра считала его ленивым сквернословом-нигилистом, чурающимся всякой ответственности. А он ее – толстозадой традиционалисткой, восхищающейся королевой. Оба были правы.

Невзирая на конформизм или, может, благодаря ему Кэрол пригласила его погостить на Рождество. Сестра узнала, что Никки от него ушла, и, не говоря об этом вслух, очевидно, его жалела. Из гордости Билли счел ее сочувствие глубоко оскорбительным и уже отклонил приглашение.

Но внезапно перспектива поплевывать финиковыми косточками в Дисли показалась ему весьма привлекательной или, во всяком случае, более привлекательной, чем перспектива выплевывать выбитые зубы в Левенсгульме. Дом на Альберт-стрит не был ни отрадным, ни уютным. Заходить на чердак Билли вообще боялся. И как быть с тенью у шкафа в спальне? Билли часто просыпался по ночам и ошибочно принимал тень за покойную бабушку. Нет, конечно, это была не его бабушка, а просто тень, но все равно страшно.

Наскоро затолкав в дорожную сумку кое-какую одежду, он в последний момент вспомнил и положил мобильный телефон и рождественские подарки для сыновей Кэрол. Подумав, взял еще ручку и блокнот. В конце концов он же писатель. Потом, заперев дверь, он вышел в ледяной туман.

Куда ни глянь, дальше трех ярдов ничего не видно. Машины ползли со скоростью десяти миль в час, свет приближающихся фар в сумерках походил на разливающуюся грязную жижу. Всю дорогу до станции он оглядывался через плечо, уверенный, что за ним кто-то идет. Потом напомнил себе, что времени всего пять, и куда бы он ни пошел, и впереди, и сзади будут прохожие. Но где же они? Мир в тумане казался пустым и безмолвным.

На перроне он начал мерзнуть. Одет он был в кожаную куртку на два размера больше его. Промозглый ветер беспрепятственно забирался между тонким свитером и подкладкой. Поезд на двадцать минут опоздал, а когда наконец прибыл, то оказался набит битком.

Но плотно стиснутые незнакомцы, их пакеты из супермаркетов, их вымотанные под конец рабочего дня лица успокоили Билли. Ни один не походил на Пономаря или его подручных. По большей части это были обычные, ничем не примечательные граждане, которые покинут сей мир так же незаметно, как в него пришли. Зато никто из них не подожжет врагу лобковые волосы паяльной лампой.

Из-за тумана дорога, которой полагалось продлиться час, заняла полтора. Когда поезд подъезжал к Дисли, Билли начал чувствовать себя в безопасности. Трудно было себе представить, что люди Пономаря подкарауливают его в этом городке среднего класса у подножия дербиширских холмов.

Выходя из здания вокзала, он испытал привычное чувство утраты. В Дисли когда-то жил Стив Эллис, друг, про которого он рассказывал Тони. Стива усыновила состоятельная пара. Вскоре после своего появления в Манчестерской Средней школе Стив выбрал Билли себе в

друзья. Стив был самым крутым мальчишкой в школе. Билли – самым наглым. Стив избивал шестиклассников, а Билли откалывал шуточки, когда они, хныча, лежали в пыли.

Но у Стива была ранимая душа, о чем мало кто знал. Он был одержим желанием найти свою настоящую мать и бесконечно фантазировал о том, где она живет и какая она. Он зачитывался классикой литературы ужасов и мог дословно цитировать свои любимые романы, например, «Дракулу» или «Франкенштейна». Он был исключительно чутким и всегда знал, что думают – или чувствуют – люди вокруг.

Билли и Стив были настолько близки, насколько возможно без поцелуев. Их жизни и мечты сливались. Кольцо с черепом на пальце у Билли было подарком ко дню рождения от Стива. Древние считали, что безымянный палец напрямую связан с сердцем. Сосущая пустота, которую испытывал Билли всякий раз, когда касался кольца, этот миф как будто подтверждала.

С вечера поножовщины Билли давнего друга видел лишь однажды. Как-то вечером они встретились в пабе в центре города, когда Стива освободили условно. Стива окружали мальчишки чуть помладше – из тех, кто татуирует себе тыльную сторону ладоней булавкой и шариковой ручкой. Билли пришел один. Приветствием Стива стал кивок и чуть презрительная ухмылка. Ухмылка словно бы говорила: «Я кого-то пырнул. Я побывал в тюрьме и выжил. Я круче, чем ты когда-либо станешь».

Сестра Билли жила на тенистой зажиточной авеню возле Лайм-парк. Подходя к дому, Билли увидел висящие на деревьях в начале подъездной дорожки рождественские гирлянды и начал спрашивать себя, а правильно ли поступает, но тем не менее позвонил в дверь. Открыла Кэрол, как всегда старше и более нервная, чем он помнил. Она удивилась, но была ему искренне рада. Из кухни вышел ее муж Роджер пожать Билли руку, другой тут же протянул банку «Боддингтонс».

Пока Билли пил пиво в гостиной под рождественской елкой, его племянники Марк и Крис гордо сообщили, что нашли рецензию на его последнюю книгу.

– Она была в Интернете, – с энтузиазмом объяснил старший, Марк. – Там говорилось, что книга просто дрянь.

– Нет, там только сказано, что она скучная, – поправил Крис.

– Ну спасибо, ребята, – сказал Билли. – Полагаю, вы вне себя от радости, что у вас такой знаменитый дядя.

Позже вечером Билли, верный себе, начал доставать хозяев. Когда мальчишки пошли спать, а Кэрол – возиться на кухне, Роджер налил себе и Билли бренди. У шурина Билли было круглое, с нездоровым румянцем лицо, которое как будто никогда не нуждалась в бритве, и густая грива безупречно седых волос.

Роджер, вожатый в скаутском лагере, проговорился, что на Рождество ему подарят биографию Бейден-Пауэлла* [*Основатель движения скаутов*]. Со слов Роджера выходило, что Бейден-Пауэлл всегда выполнял свой долг. Билли напомнил, что однажды Бейден-Пауэлл велел повесить человека за кражу козла.

– Ага, – отозвался Роджер, – это только доказывает мои слова.

– Интересно, повесил ли он себе наградной значок? – задал риторический вопрос Билли.

– Он исполнил свой долг, – натянуто повторил Роджер.

– Но почему тот, кого он велел повесить, вообще украл козла? – не унимался Билли. – Может, его родные умирали от голода, и он считал, что его долг их накормить.

– Давай-ка поаккуратнее, – сказал Роджер. – Мы говорим о великом человеке.

– Так почему же Бейден-Пауэлл его повесил?

Кэрол с мужем отправились спать в десять. Билли лег полчаса спустя, ощущая себя подростком. В основном потому, что кровать принадлежала его двенадцатилетнему племяннику.

Стены комнаты были оклеены постерами «Саус-парка» и фотографиями нападающих «Манчестер юнайтед». Вот пожалуйста, взрослый мужчина спит в детской кроватке в теплом домишке среднего класса, укутанном тишиной и туманом.

Билли долго лежал без сна, думая об удивлении и ужасе, которые, наверное, мучили человека, который ожидал публичной порки, а узнал, что его казнят. Тут ему пришло в голову, что, хотя он пишет романы ужасов, никакой его вымысел не дотягивает до реальности. С этой безрадостной мыслью он заснул.

Когда он проснулся, в комнате стояли двое. Крупные мужчины в дорогих пальто. В одном из них Билли узнал шестерку из ресторана Пономаря. У второго были ярко-рыжие волосы, ямочка на подбородке и смутно извиняющееся выражение лица.

– Мистер Дай? Я Грэхем Уэйн. Также известен как Зверюга. Я работаю на мистера Пономаря, который очень хотел бы с вами поговорить.

– Какого черта... как вы вошли? Зверюга кивнул на своего спутника.

– Это Дюймовочка. Он умеет обращаться с замками.

Теперь Билли окончательно проснулся. Его подташнивало от страха, но, оказывается, нашел в себе силы ухмыльнуться:

– Дюймовочка? Как в сказке?

– Думай, что мелешь, – предостерег Дюймовочка, немедленно покраснев, как экзотическая рыбка.

В голове у Билли прояснилось. Зверюга кашлянул и вежливо улыбнулся.

– Не могли бы вы одеться? Лучше не заставлять мистера Пономаря ждать.

– Мама всегда советовала не ходить никуда с незнакомыми мужчинами. Особенно среди ночи.

Рыжий рывком раздвинул занавески, и в глаза Билли больно ударил дневной свет.

– Одиннадцать утра.

– Ленивая задница.

Тут Билли вдруг вспомнил про сестру и ее семью.

– Если вы причинили вред кому-то в этом доме, я вас, черт побери...

– Стойте, стойте! – Останавливая его поток слов, Зверюга поднял руку. Голос у него бы мягкий и гортанный. Билли приходилось напрягаться, чтобы разобрать, что он говорит. – Все живы-здоровы. Твои чистенькие родственники отвалили за покупками в надраенном человековозе. В доме только мы. А теперь будь паинькой, одевайся.

– Как насчет чуточки уединения? – спросил Билли.

Громили вышли в коридор, оставив дверь приоткрытой, чтобы видеть окно. Билли медленно оделся, рыща глазами в поисках какого-нибудь оружия. Нашелся только небольшой кусок какого-то темного минерала с голубыми вкраплениями, наверняка купленный в сувенирной лавке «Пещеры Голубого Джона». Кто-то ему как-то сказал, что, если сжать в кулаке что-нибудь тяжелое, им можно сломать противнику челюсть. Теперь Билли представился шанс проверить эту теорию на практике.

Туман развеялся. День был хмурый и серый. Перед домом стоял заляпанный грязью «ягуар». Нависая над Билли, громили Пономаря шли по обе стороны от него, держась с уникальной, раздражающей беспечностью, которая приходит с опытом: когда целую жизнь глядишь на макушки других людей. Когда они подошли к машине, Билли выронил из кармана фунтовую монету. Стоило Дюймовочке опустить взгляд, Билли замахнулся и изо всех сил вмазал ему по виску.

Глаза гангстера удивленно расширились, но он не упал. И тут же почти рефлекторно отмахнулся – и Билли растянулся в слякотной грязи. Поначалу Зверюга был слишком ошарашен, чтобы среагировать. Потом заржал, изумленный абсурдным поведением Билли.

Билли же крепко досталось. Так крепко, что в первые несколько мгновений земля под ним показалась такой же удобной и желанной, как пружинный матрас. Он полежал еще с минуту, пытаясь отдышаться, пока Зверюга силился удержать Дюймовочку, который рвался закончить то, что Билли начал.

– Я ему голову оторву! – рычал сквозь стиснутые зубы Дюймовочка.

– Дюймовочка... Дюймовочка... Остынь ты наконец. Малькольму он нужен целым.

Билли был уверен, что значить это может только одно. Пономарь не чурался марать собственные нежные ручки.

Высвободив осколок минерала из пальцев Билли, Зверюга рассмотрел его, хмурясь, и уронил в карман своего пальто. Потом посадил Билли, слишком оглушенного, чтобы сопротивляться, на заднее сиденье. Билли откинулся на скрипнувшую обивку, а Дюймовочка, чертыхаясь, осматривал лицо в зеркальце заднего вида. Над правым глазом у него набухла пурпурная шишка. Увидев в зеркальце отражение Билли, он поклялся грязно отомстить.

Когда машина тронулась, Зверюга, стараясь не смеяться, повернулся к Билли.

– А ты у нас чудной тип, верно? Ты, случаем, не под кайфом?

Был канун Рождества. Движение по трассе А6 почти замерло. Мимо прошаркала семья: папа, мама и маленький мальчик. Папа сделал вид, что собирается пнуть сына ногой под зад, мама шлепнула мужа по спине. Рассмеявшись, отец заглянул в ползущий мимо «ягуар» и встретился глазами с Билли.

Билли пришло в голову, что надо бы отчаянно замахать, завопить «спасите!». Но это стоило бы слишком много труда, к тому же он счел подобную выходку слишком для себя унижительной. И хуже того, вполне вероятно, что такую лихорадочную клоунату прохожие воспримут как шутку или решат, что это не их дело.

Свернув с трассы, «ягуар» плавно миновал кованые ворота Лайм-парка. Это Билли озадачило. Лайм-парк – аттракцион для туристов, общественное место. Если Пономарь ждет его здесь, то, должно быть, он безрассуден до сумасшествия.

Но парк был почти заброшен, и за ленивым продвижением машины наблюдали лишь олени и овцы. Билли с детства помнил петляющую асфальтовую дорожку, которая вела к Лайм-холлу. У него она всегда ассоциировалась с воскресными прогулками, мороженым и пикниками. А вовсе не с увечьями и насильственной смертью.

Когда машина миновала Кейдж-хилл, Дюймовочка мягко затормозил. Билли попытался было выкатиться из машины, но, предупреждая такой его порыв, Дюймовочка вовремя схватил его за воротник. Зверюга снова расхохотался.

– Похоже, мы ему не слишком нравимся, а?

Не выпуская куртку Билли, Дюймовочка развернул его лицом вперед.

– Топай, – скомандовал он.

Зверюга тихонько хмыкнул себе под нос.

Теперь Билли всерьез испугался. Холодный влажный воздух Дербишира с легким ароматом овечьего навоза морозил лицо и уши. Лайм-холл, мрачная коническая сторожевая башня на вершине пологого холма, была местной достопримечательностью. В детстве Билли, сам не зная почему, ее боялся. Теперь понял. Вот здесь он потеряет жизнь или, если повезет, только лицо.

Когда они поднялись на холм, из-за башни вышла знакомая коренастая фигура. Это был Малькольм Пономарь, закутанный в просторное пальто-дубленку. Мстительную физиономию обрамляли завязанные под подбородком «уши» меховой шапки, щеки посинели от ледяной стужи, но он улыбался. Опустив взгляд, Билли удивился, увидев, что вслед за Пономарем вышел карлик. Присмотревшись внимательнее, он понял, что это не карлик, а ребенок, девочка лет семи. Она была светленькой, с голубыми укоризненными глазками и строгим изящным ротиком.

– Моя внучка, – гордо объяснил Пономарь и, взяв руку девочки в варежке, сжал ее.

Билли охватило облегчение, настолько глубокое, что он едва не шагнул к Пономарю, чтобы его расцеловать. Его привезли не на казнь и не на показательное избиение. Тут было нечто совершенно другое. Дюймовочка толкнул Билли в спину, и, заскользив по грязи, Билли едва не потерял равновесие. При виде этого Пономарь повернулся к девочке.

– Все в порядке, золотко? Пойди поиграй. Но не уходи далеко, чтобы я тебя видел.

Ребенок отошел. Сделав несколько шагов к Дюймовочке, Пономарь оскорбительно шлепнул его по груди.

– Эй! Что тут происходит! Не распускай руки, глупый хрен!

– Он же напал на меня, мистер Пономарь!

– Плевать. Ты только посмотри на него и посмотри на себя! – Приподнявшись на цыпочки, он схватил Дюймовочку за брыли и сильно их вывернул. Дюймовочка, которого никто не назвал бы слабаком, покраснел и съежился. Тогда Пономарь повернулся к Зверюге:

– А ты, рыжая задница? Тебе же полагалось командовать?

С видом полной беспомощности Зверюга развел руками.

Пономарь повернулся к парочке спиной.

– Валите! Убирайтесь с глаз моих, оба!

Рослые громилы деревянно зашагали вниз с холма, а Пономарь впервые поглядел на Билли.

– Ну пошли.

– Куда мы идем?

Пономарь поморщился.

– Значит, тебе не сказали?

– Я думал, у меня какие-то неприятности.

Пономарь опять гневно вспыхнул.

– На меня идиоты работают. Идиоты!

– Не хочу придирататься к словам, но, по-моему, они скорее олигофрены. На идиотов они не тянут, ума не хватает.

Позвав внучку, Пономарь выдавил смешок.

– Это Джудит. Мы с ней большие друзья, правда, цветочек?

Девочка кивнула, сердито глянув на Билли, будто проверяла, хватит ли у него духу возразить.

«Роллс-ройс» «серебряный серафим» Пономаря с регистрационным номером «МАЛЬК1» ждал на парковке. Джудит села впереди с дедом. Заднее сиденье предоставили одному Билли. В спинку пассажирского сиденья впереди был встроен экран небольшого телевизора. Достав термос с дымящимся бульоном из бычьих хвостов, Пономарь налил немного в крышку-стакан и протянул девочке. Потом налил чашку Билли.

– Ну, – сказал он, тостом поднимая собственный бульон, – спасибо за потрясную статью.

– Э... чем меньше будет сказано, тем...

Пономарь вывернул шею посмотреть Билли в глаза, на лице у него отразилось недоумение.

– Она, по-твоему, нехороша?

– Почему же? А по-вашему?

– По-моему, прекрасно. Лучшее, что обо мне писали в прессе. Более того, все, кого я знаю, так говорят. Понимаю, тогда, в ресторане я немного переборщил, но, должен сказать, ты сам напросился. Но знаешь, честь по чести, ты сваял отличный текст, и я хочу, чтобы ты работал на меня.

На Билли накатило deja-vu. Бульон, роскошная машина, улыбающийся до ушей Пономарь. Он все это уже видел.

– Что? Как гангстер?

– Нет. – В лице Пономаря мелькнула былая злобность. – Как писатель, хрен ты бестолковый. – Тут он вспомнил, что ему полагается обхаживать Билли, а не оскорблять, и поспешно добавил: – Да, мне бы хотелось предложить тебе работу. Я хочу, чтобы ты написал мою автобиографию.

– С радостью, – без раздумья согласился Билли.

Хотя ответ Пономарю понравился, взгляд у него остался холодным, мертвым и бездушным.

– В таком случае мне бы хотелось сделать тебе маленький подарок. К Рождеству.

Пономарь протянул ему чек на три тысячи фунтов.

– Это взятка? – задохнувшись от суммы, спросил Билли.

– Назовем это подарком, – ответил Пономарь с неприятной улыбкой. – К Рождеству.

Встав на коленки, Джудит посмотрела на Билли и захихикала при виде его изумления и радости. Ее лицо преобразилось. Она стала совсем другим ребенком. Обеими руками сжимая чек, Билли рисовал себе будущее.

3

*Да, я считаю, в нем таится великий преступник... И мне жаль
любого, кто перебежит ему дорогу.*
М. Р. Джеймс. «Гадание на рунах»

Когда Билли Дай сообразил, что ему оставили жизнь, мир на мгновение показался прекрасным. Мерзлая грязная трава Лайм-парка, дербиширское небо, кожа под ногтями – все представилось новым и столь ярким, что резало глаз. Если не считать периодов под кайфом, мир никогда не выглядел столь чудесно с тех пор, как ему было тринадцать и Габриэлла Таун, самая красивая девчонка в Манчестере, позволила ему потрогать свои круглые груди на последнем ряду кинотеатра Эй-би-си в Динсгейте. Тогда еще целую неделю мир Билли мерцал неземным светом. Потом она с ним порвала, и возвратились тени неведения и сна.

Билли понимал, что в этих тенях виноват он сам, что, сделай он над собой усилие, мог бы жить в храбром счастье, а не гнущаясь под мертвым грузом беспокойства и горечи, иссушавших душу и отравлявших его каждый день. Но, как и по телику, обычное безобразие вернулось, как только смогло. За пятнадцать минут окно, которое было открылось, захлопнулось снова, и Билли очнулся, осознав, что ест ленч с убийцей в пабе на Хай-лейн.

Паб назывался «Красный лев». Из-за внучки Пономарь вел себя примерно. Никаких ругательств, совсем мало похвалы и лишь одно угрожающее замечание (в адрес хозяина), эхом раскатившееся по всему зальчику, когда Пономарь заявил:

– Не обижайся, приятель, но если наш заказ не будет здесь через минуту, я всему пабу покажу, что на тебе парик.

После неспешной полуторачасовой трапезы Пономарь предложил подвезти Билли к дому сестры. Билли отказался под предлогом, что ему нужно прогуляться. Перед расставанием Пономарь открыл багажник, чтобы достать антифриз, показав при этом пачку журналов: штук двадцать экземпляров «Блэга».

– У меня тут солидный запас, – объяснил он. – Для друзей и деловых партнеров, сам понимаешь.

– Я номера еще не видел, – заметил Билли.

Пономарь намек понял и сунул в руки Билли толстый глянцевый журнал.

– Счастливого Рождества. Свяжусь с тобой в новом году.

Как только машина Пономаря отъехала, Билли вернулся в паб, заказал «реми мартэн» и, устроившись на табурете у стойки, прочел статью, произведшую столь большое впечатление на человека номер один в Манчестере. Сходство ее с отосланным Билли текстом было минимальным.

Боясь оскорбить известного психопата, редактор уполовинил разоблачительную статью в три тысячи слов, вычеркнув все угрозы и расистскую грязь Пономаря и оставив лишь разглашательства о его неустанном труде на ниве благотворительности и о том, что бы он сделал для отца, будь старик еще жив. Это была апология монстра, а под ней стояло имя Билли.

Довершала елейные восхваления глянцевая фотография в разворот, о существовании которой Билли даже не подозревал. На ней Пономарь красовался в костюме от модного портного, а две привлекательные анорексички буквально висли на широких плечах гангстера и оставляли следы губной помады на толстой харе манчестерской сволочи. Билли это принесло облегчение и позабавило одновременно. Искромсав его творение, Пол Тинкер спас ему жизнь. В первый и в последний раз Билли Дай хотя бы за что-то поблагодарил редактора.

Чек Пономаря Билли обналачивать не стал. Во всяком случае, сразу. Для начала он решил проконсультироваться у своего агента, Розы Силкмен. Это была крупная грушеобразная женщина с маленькой яблоко-образной головкой. Ее офис располагался над массажным кабинетом в Сохо, и на лестнице Билли часто встречал пристыженных госслужащих. В тот дождливый январский день, когда Билли Дай и Розы Силкмен встретились в самый последний раз, Билли был уверен, что Розы начнет настаивать, чтобы он порвал чек Пономаря и вернулся к серьезному почетному занятию – написанию романов, которые никто не читает.

Ленч они ели в индийском ресторане за углом от офиса Розы, где были единственными посетителями. Пока Билли давился луковым бхаджи, она поставила его в известность о достижениях своих более преуспевающих клиентов и, пригвоздив взглядом василиска, сказала:

– Конечно, отказываться от такого шанса чистое безумие. И я знаю, что ты не сумасшедший. Во всяком случае, мне так кажется, вот почему ты согласишься.

После приступа кашля и нескольких глотков минералки Билли запротестовал:

– Но я не пишу биографии. Мое призвание – хоррор.

– Хоррор не продается. И тебе это прекрасно известно.

– Стивен Кинг продается.

На что Розы с полным ртом отрезала:

– Ты не Стивен Кинг.

– Спасибо, Розы. Спасибо за чудесный вотум доверия.

– Не глупи. Нет ничего постыдного в разносторонности.

– О чем ты, черт побери?

– Именно об этом. Ты пишешь романы ужасов, гм, ты чертовски хороший писатель, гм, я бы даже сказала, мирового уровня. Ты хотя бы на секунду сомневаешься, что я так думаю? – Билли невежливо пожал плечами. – Но, гм, послушай, у тебя есть запасные варианты, ты журналист, ты вполне способен на требуемую дисциплину, гм, плюс, думаю, я сумею выговорить тебе приличные условия.

– Да они должны быть астрономическими!

– Ну, я бы сказала, самые большие не обязательно самые оптимальные.

– Что, черт побери, это значит? Я что, единственный человек на свете, кто думает, что ты чушь городишь?

У Билли и Розы сложилась постоянная невротическая схема: она выступала в роли властной мамыши, он – непослушного и неблагодарного сына. На самом деле Билли был на четыре месяца старше Розы, хотя ему и в голову бы не пришло ей об этом сказать.

Вздыхнув, она покачала головой.

– Иногда с тобой столько мороки.

Повисла тишина. Стол навестил угрюмый официант – долить в стаканы минеральной воды. Наконец Билли заговорил:

– Так, по-твоему, ты можешь продать книгу про Малькольма Пономаря за большие деньги?

– Вероятно.

– Сколько?

Она бесцеремонно резко отбросила челку.

– Это не точная наука.

– Почему всякий раз, когда я спрашиваю тебя про деньги, ты всегда ведешь себя так, будто я перехожу на личности? Разумеется, перехожу. Но ведь для меня они – такие же личные, поэтому нет, черт побери, необходимости обижаться.

– Я не обижаюсь.

– Ладно. Сколько ты попытаешься из него выбить?

– Гм, ну, гм, это будет зависеть от, гм, размеров издательства.

– Ты замечала, как часто говоришь «гм», Рози?

– Разве?

– Все, гм, время.

– Ты никогда не спрашивал себя, почему у тебя нет большого успеха? – устало спросила Рози.

– Учитывая, что ты мой агент, зачем, скажи на милость, мне задаваться таким вопросом?

Оскорбление попало в цель. На следующий же день Рози Силкмен позвонила Билли домой и сообщила, что если он хотя бы еще раз такое ей скажет, то может искать себе нового агента. Билли отчаянно хотелось ее послать, но он боялся рисковать. Он был почти уверен, что никакой другой агент его не возьмет.

Соглашение было достигнуто в атмосфере угнетающей алчности между «Агентством Рози Силкмен», адвокатом Пономаря и «Рэтборн, Льюис и Фрай» с Бедфорд-сквер, Лондон. Название издательства Билли считал добрым предзнаменованием. Мэттью Льюис написал знаменитый готический роман «Монах». Бейзил Рэтборн сыграл в «Сыне Франкенштейна», а «Рахат-лукум Фрайя» – известный шоколадный батончик.

Читая контракт, Билли только изумлялся. На сей раз Рози Силкмен превзошла саму себя. Малькольм Пономарь снизойдет до еженедельных интервью на весь тот срок, пока Билли будет писать за него историю его жизни. Во время работы над книгой Пономарь будет выплачивать двести пятьдесят фунтов в неделю Рози Силкмен, из которых она изымет свои десять процентов плюс налоги. По завершении рукопись станет совместной собственностью Пономаря и издательства. Авторство Билли останется тайной. Также он не получит никакой прибыли с любого документального фильма или симпатичных игрушечных «Малькольмов пономарей», которые могут родиться из успеха книги.

Хуже сделки не придумать. Билли было все равно. Он с готовностью написал бы книгу даром. И хотя он презирал себя за это, но радостно предвкушал шанс свести знакомство с настоящими гангстерами.

Интервью проходили в просторном бунгало Пономаря в Кнутсфорде. Дом располагался на широкой элегантной авеню, обрамленной лиственницами и табличками «продается». Поначалу Билли не понял, что значат эти таблички. Кнутсфорд был одним из самых богатых городков графства Чешир. Писательница Элизабет Гаскелл списала свой Крэнфорд с Кнутсфорда. Полтора века спустя город оставался столь же снобистским, узколобым и претенциозным. С соседями Малькольм Пономарь знакомства не водил.

Но они-то его знали.

Пономарь так же ненавидел ритуал наговаривания на диктофон, как и сам Билли, поэтому, чтобы развеять взаимную скуку, интервью временами перетекали в кафе и ресторанички Кнутсфорда. Когда они сидели за лучшим столом и Пономарь, силясь вспомнить имена и названия мест из истории своей семьи, забывал о привычном бахвальстве, Билли вполне сознавал, что становится центром всеобщего внимания. В основном замужних женщин с прилизанными волосами и золотыми украшениями в тон загару. Все знали Пономаря, поэтому когда тебя видят с ним, видят, что ты запросто его прерываешь, когда он спотыкается на каком-нибудь факте... это позволяло Билли отведать пьянящий глоток власти...

Как поп-звезде или члену королевской семьи, Малькольму Пономарю никогда не приходилось платить. Его визитница трещала по швам от карточек перепуганных «партнеров», готовых поставлять все: домашние приборы, предметы обстановки, цветы, шоколад и алкогольные напитки, какие ему когда-либо могли потребоваться.

После краха своего брака Пономарь занимался сексом только с проститутками или «воночками», как их называли между собой «Пономарчики». С самого начала он ясно дал

понять, что готов снабдить Билли любым порно, наркотиками или «вонючками», какие ему понадобятся.

– Только попроси. Я караю любую сволочь, которая меня обкрадывает, но... Просите и обрящете, ха-ха!

Билли объяснил, что пытается завязать с наркотиками, а порно само с ним завязало.

– Если бы вы сумели найти красивую умную женщину, которая была бы со мной сексуально совместима и с которой никогда не пришлось бы скучать, о большем я и не мечтал бы.

Пономарю это заявление показалось слишком невразумительным, поэтому он пропустил его мимо ушей и возобновил свой монолог:

– Хочешь пушку? Я тебе достану. DVD-плеер? Возьми два...

В его доме было восемь уборных. Там были игровые комнаты, где до рассвета играли в покер, снукер и дартс – всегда на деньги. В каждой комнате стояли гигантские пепельницы, которым полагалось быть еще и декоративными, не только функциональными.

– Видишь вон ту, с «Беллс виски»? – сказал Пономарь Билли во время первого интервью. – Она в форме гребаного колокола, видишь? Такую работу теперь днем с огнем не найти.

По всему дому висели фотографии роскошной яхты Пономаря. Это пришвартованное в Олгрейве судно было названо «Дядя Джо» в честь Джо Ройла, менеджера футбольного клуба «Манчестер сити». Приглашение провести выходные на яхте было одновременно печатью высочайшего одобрения и ужасного проклятия: гарантировало, что в долгу у Малькольма Пономаря ты будешь до конца жизни.

Хотя у Пономаря не было вкуса, зато хватало денег нанять тех, у кого он имелся. Впрочем, он был невысокого мнения о декораторах. «Они все розовые или педики». Дом он забил красными кожаными креслами, а полы приказал покрыть темно-коричневым ковролином, чтобы замаскировать пятна мочи и дерьма, которые оставлял страдающий недержанием карликовый пудель его матери. Пуделя звали Везунчик. «Ему повезло, что его не посадили в мешок и не бросили в чертову реку», – бросил как-то походя Пономарь.

Когда Билли впервые встретил мать Пономаря, она была настолько поражена, что едва не уронила Везунчика. Пес рывкнул на Билли, показав желтые клыки. Поскольку Билли одевался как отребье, миссис Пономарь и собака ошибочно предположили, что он и есть отребье. Да, Малькольм и его мальчишки грабили и терроризировали законопослушных граждан, но в отличие от Билли одевались у хороших портных и всегда выглядели чисто.

Гравиевая подъездная дорожка вечно была запружена flotилией дорогих машин. Тут были «лотус-сан-бим», «триумф TR-7» и «ягуар ХК». «Роллс-ройс» «серебряный серафим», на котором Билли привезли в Лайм-парк, дополняла розовая «корнич». Когда Билли опоздал на первое интервью, потому что его автобус отменили, Пономарь одолжил ему «BMW» пятой серии с помятым крылом, но всего лишь с тридцатью пятью тысячами миль пробега.

– Пользуйся, пока работаешь над книгой.

Характер у Пономаря был скверный и подозрительный. Чтобы проверить лояльность своего окружения, он постоянно устраивал по всему дому ловушки. Пойдя пописать во второй свой визит в Кнутсфорд, Билли обнаружил семь десятифунтовых банкнот, прищипленных к доске для дартс, которая висела на двери уборной. И инстинктивно понял, что деньги были оставлены как приманка.

Жестом «а пошли вы» он вынул из собственного кармана десятку и наклеил к остальным семи. Через неделю дополнительная десятка – к немалой досаде Билли – исчезла, но под столом на кухне появилась банкнота в пятьдесят фунтов. На сей раз он к деньгам вообще не притронулся.

В доме дурно пахло, поскольку мать Пономаря настаивала на том, чтобы убираться самой. Ей было семьдесят восемь, зрение у нее упало, поэтому она вечно пропускала лужи собачьей мочи на ковре. Все поверхности в двухмиллионном доме Пономаря были липкими на ощупь. Пономарю не хотелось обижать мать, нанимая уборщицу. Поэтому он дожидался, когда старушка отправится на еженедельное собрание клуба «Клеверный лист», и приказывал паре своих ребят отдраить уборные. Билли ни разу не слышал, чтобы хоть кто-то пожаловался.

Если не считать Билли, Пономарю вообще никто ни на что не жаловался. Такова была обратная сторона дармовщины. Речь шла не столько о подарках, сколько о подношениях, дабы умиротворить мстительного бога. Взявший Билли под свое крыло, Зверюга рассказывал, что четыре года назад шурин Пономаря взял на время его «даймлер» и въехал на нем в кирпичную стену. Шурина, который случайно оказался строителем, пристроил к дому Пономаря крытый бассейн – в качестве «благодарственного подарка» за то, что остался жив.

Блейк Терри был издателем Билли. Он выпустил все четыре его романа, и все существующие их экземпляры лежали штабелями на складе в Лутоне. Пухленькому Блейку было за тридцать. Кончик носа у него был формы задницы, а на лице – всегда чуть удивленное выражение. Наверное, именно этим и объяснялось то, что Блейк никогда не отвечал на звонки Билли и, казалось, считал само собой разумеющимся, что Билли никогда не будет зарабатывать роялти или получать положительные рецензии в престижных изданиях.

Имя Блейка красовалось на гравированной латунной табличке над столиком «Ресторана Арти» в Ковен-гарден. Именно за этим столом состоялся их последний с Билли разговор. На табличке значилось еще четыре имени. Одно принадлежало Уинди Миллеру, альтернативному чревовещателю, говорившему через зад. Билли без особой надежды спросил, собирается ли компания вообще продвигать его книги.

Отпив солидный глоток столового красного, Блейк промокнул губы салфеткой.

– Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

– Да?

Положив булочку, которую как раз жевал, Билли приготовился к самому худшему. Увидев выражение его лица, Блейк поднял руку.

– Нет, мы не собираемся от тебя избавляться, – и, как будто вспомнив, что нельзя подавать ложных надежд, добавил: – Я тут думал, как насчет того, чтобы немного подождать. Посмотреть, как пойдет новая книга, а уже потом заказывать следующую.

– А как она может пойти? – вскинулся Билли. – Кто, кроме нас, знает о ее существовании?

– Дело не только в тебе. Хоррор не продается.

– Ничто не продается, если его нет в магазинах.

– Будет, будет...

– Это называется бизнес. Компания производит продукт и его рекламирует. У компании, которая пытается продать что-то, о чем никто, черт побери, не слышал, мало шансов на успех. Но, Блейк, твое издательство идет еще на шаг дальше. Вы пытаетесь продавать книги, даже не доставив их в магазины.

Голос Блейка стал на пол-октавы выше:

– Меня возмущают твои намеки, что я хотя бы в какой-то мере повинен в отсутствии интереса к твоим произведениям. Ты что, правда думаешь, что я хочу, чтобы книги проваливались?

– Нет. Но факты говорят за себя. Ни у одной моей книги не было презентации. Ни пенни не было потрачено на рекламу моих произведений. Ни в одной части света. И авансы за все четыре моих романа в сумме меньше того, что медсестра зарабатывает за год.

Отпив еще глоток вина, Блейк воинственно стукнул бокалом о стол.

– Если хочешь, чтобы я заплатил за ленч, советую тебе придержать язык.

– А тебе говорили, что твой нос по форме как задница? – спросил Билли.

Помимо Зверюги и Дюймовочки, к привилегированному внутреннему кругу «Пономарчиков» принадлежали лишь четыре человека. Заместителем Пономаря был меланхолик со сломанным носом по фамилии Ставри. Ставри носил костюмы от Армани, и в его лице сквозило смутное разочарование: вероятно, потому, что ему всегда хотелось быть сицилийцем, тогда как на самом деле он родился греком. Ставри был лаконичен и существования Билли почти не замечал. В юности он любил поджигать людей, и потому Пономарь и остальные звали его Шеф-повар или просто Шеф.

Баранку крутил, как правило, Лол Шепхерд, добродушный худышка лет пятидесяти. Этот явно не был крутым – с нервами у него было так плохо, что его постоянно трясло. Но стоило ему сесть за руль, как все будто рукой снимало, а еще он сделался незаменимым, поскольку не имел пороков, был быстрым, умелым водилой и всегда делал в точности то, что сказано.

Ньюи был кряжистым бывшим солдатом без сантиментов, который отслужил в Ирландии, имел крупный нос, маленькие злые глазки и нездорово красную физиономию – отчасти потому, что слишком много пил, отчасти потому, что его снесли горечь и бессильная ярость. У него был зуб на армию, на ирландцев, на правительство и на Билли. В тот единственный раз, когда Билли по неосторожности пожелал ему доброго утра, бывший солдат плюнул на ковер ему под ноги. Это не имело значения, ковер и без того был грязным, а Ньюи – не слишком популярным. «Пономарчики» даже не потрудились придумать ему кличку, так и звали Ньюи.

Еще был Альберт «Док» Дочерти, самый старый из «Пономарчиков», здоровенный бывший борец-профессионал со звонким голосом и расплющенной кулаками харей. До того, как снобизм и невежество изгнали борьбу с английских телеэкранов, Док принимал участие в договорных матчах с самыми лучшими борцами. «Джеки Пало? Этот был нюня. Мик Макмагус? Еще больший нюня. Большой Папочка? Большой жирный слюнтяй...»

Без сомнения, Док был одним из самых невежественных созданий, какие только встречались Билли Дайю. Совершенно серьезно Док утверждал, что принц Эдвард ушел из морской пехоты, потому что ему не нравился цвет беретов. Также он был уверен, что люди с синдромом Дауна умирают в двадцать один год. «Жалко, честно говоря. Бедолаги только жиреют и жиреют, – объяснил Док. – А достигнув двадцати одного года, взрываются».

По большей части Док вел себя как веселый добродушный дядюшка. Он носил вязаные кофты, как игроки в гольф, и был единственным членом команды Пономаря, проявившим хоть какой-то интерес к творчеству Билли. Как-то даже спросил, о чем Билли пишет.

– М-да, – задумчиво сказал он однажды, – чертовски, наверное, трудно записывать столько слов. Понимаешь, я, наверное, мог бы пару-тройку баек рассказать, но записать их – нет уж, увольте. Потому что вообще писать не умею.

Билли без подсказки подарил Доку первый свой шедевр «Монстры с проблемами» в бумажном переплете. На Дока это произвело большое впечатление.

– Обязательно позабочусь о книжке, но читать не буду, – уважительно объяснил он, – потому что вообще читать не умею.

У Пономаря был обожаемый сын, которого Билли никогда не встречал. Остальные гангстеры положительно отзывались об этом невидимом наследнике. Даже Док, большинство людей считавший слюнтяями и нюнями, вынужденно признавал, что Пономарь-младший «хороший парнишка». Младший управлял «Дивой», скверным ночным клубом в Сол-фонд-кис. Зеленые рекруты, известные в основном как «служки», попадали в организацию в основном по его рекомендации.

Все без исключения «служки» были жадным белым отребьем, оцепоченным и циничным, и с кличками из комиксов, по которым их было легко запомнить.

Например, Ошейник был неуклюжим здоровяком, играющим в регби, начисто лишенным волос, зубов и манер. Своей кличкой он был обязан почти мэрской золотой цепи, которую обычно носил на шее. Хорошо образованный мальчик со степенной окраины южного Манчестера, Ошейник специализировался на организации серьезной крыши для тех, кто ее не заслуживал. В качестве хобби он проламывал черепа и играл на деньги. Любимым его цветом был красный.

Ниже «служек» стояли «тряпки», жаждущие показать себя неудачники, игравшие роль посыльных и подвизавшиеся на побегушках у настоящих гангстеров, зачастую без малейшей надежды на повышение. Самым тряпичным из них был Брайан Эдвардс, двадцати с чем-то летний плохиш из Рушгольма, начавший свою преступную карьеру с поджигания мусорных баков, медленно поднявшийся до взлома и мелких краж и лишь затем заполучивший место доверенного пустышки. Он был худощавым и жилистым, с веснушками и мальчишескими светлыми вихрами. Бровей у него не было, потому что он нечаянно сжег их на пламени в ложке с крэком. Зарубцевавшиеся шрамы придавали ему неизменно озадаченный вид.

Брайан пробрался в банду на зарекомендовавший себя английский лад: работая даром. После нескольких месяцев таких добровольных трудов Малькольм Пономарь-младший взял его гардеробщиком в «Диву». С тех пор Брайан почти каждый день появлялся в доме Пономаря: приносил и забирал посылки или просто ошивался ради партии на бильярде и шанса побыть среди больших мальчиков.

Профессию Билли Брайан считал смехотворной.

– Гребаный писака! Ах ты бедный ублюдок! Пока мы тут пьем, ты, бедолага, корпишь дома за убогим столиком. Так и свихнуться недолго, Билли.

Билли Брайан нравился. Он был бесчестным без злобы. С подростковых лет Брайан водил знакомство с закаленными преступниками, но как будто сам не спешил становиться таким же. Он был дружелюбным на открытый глуповатый лад, который Билли казался трогательным. Однажды ни с того ни с сего Брайан предложил угостить Билли ужином на вынос из индийского ресторанчика в обмен на то, что его подбросят домой.

– У меня тачка сломалась, и мне не по карману тащить ее в гараж, Билл.

Припарковавшись у индийского ресторанчика на Лонгсайт, Билли стал ждать. Через четверть часа Брайан появился с картонками еды и бутылкой дешевого шампанского.

– Я думал, ты на мели, – сказал Билли.

– Верно, – признался Брайан. – Пришлось подзанять денег.

– У кого?

Брайан сверкнул хитрой улыбкой.

– У Толстяка. Он пока не знает.

– О чем ты?

– Видел семь бумажек, которые висят на гребаной доске в сортире? Мне надоело на них смотреть, Билл.

Билли ушам своим не поверил.

– Ты с ума сошел, Брайан. Он сразу поймет, что это ты.

– Почему?

– Кто еще окажется таким идиотом, чтобы их взять? Обещай мне, что завтра с утра пораньше вернешь их на место.

– Ладно, ладно. – Беспокойство Билли застало Брайана врасплох. – Не из-за чего так кипятиться.

Брайан показал, как проехать к мрачному муниципальному дому в Ардвике, где он жил со своей девятнадцатилетней подружкой и годовалым младенцем. Их жилье было на самом верху бетонной лестницы, на которую как будто поссал каждый пьянчуга Манчестера. На

входной двери криво висел поблекший стакер с Бартом Симпсоном. Внутри квартирка была маленькой и заляпанной чем-то коричневым. И младенец тоже. Подружку Брайана звали Лини. Она была светловолосой и хорошенькой, с огромными обиженными глазами.

Младенец оказался девочкой, но выглядел как толстый лысый старичок. Брайан назвал ее Марлон в честь Марлона Брандо в «Апокалипсисе сегодня». Проходя с тарелками из кухни мимо коляски, он глянул на дочку и зловеще-горестно прошептал:

– Ужас, ужас...

От шампанского у Брайана развязался язык.

– Когда в следующий раз зайдешь в Интернет, набери «Империю порно». Крутой сайт, принадлежит Толстяку, а фотки в гребаном бесплатном доступе просто мрак: большие сиськи, маленькие сиськи, толстые телки, седые телки. Грязь на любой вкус. Но чтобы добраться до чего-то посерьезнее, нужно подписаться. Проблем как будто не возникает, подписка бесплатная, но сам догадайся. Правильно. Им нужен номер твоей кредитки. Нет, наличность им твоя не нужна. Нет, они просто хотят проверить, сколько тебе лет и все такое. Вообрази себе бедолагу, которому отчаянно надо подрочить. Что он делает? Он думает: «Я в Англии. Я англичанин, черт побери. Никто не посмеет меня обманывать. Права англичанина священны». Поэтому он вводит номер своей кредитки, а в ответ получает бесплатный код доступа, который тоже вводит. И о горе! Вспыхивает предупреждение: «Код недействителен. Пожалуйста, обратитесь к администратору». Ну разумеется, лох не собирается сообщать своему администратору, что подсел на порно, поэтому просто машет на все рукой. А после – зрите! – в следующем месяце узнает, что «Бульдог энтерпрайзис» сняло с его счета пятьдесят фунтов. Ну, поначалу он на стену со злости лезет, а потом думает: черт, я же все равно не поташу гадов в суд по мелким претензиям. Во всяком случае, не из-за полтинника. Моя жена узнает, что я извращенец, и судья тоже. А если пойду в полицию, копы меня засмеют. Значит, ничего не остается. Буду считать это уроком. Просто до конца моей гребаной жизни не стану никогда давать номер своей кредитки порнографам. Это самое чистое преступление, Билли. Оно совершается каждый день, по сотне раз за день. И всякий раз Пономарь зарабатывает еще полтинник. Так он поступает со всем: с наркотиками, сексом, пушками, с чем хочешь. Идет на заранее просчитанный риск. Он обманывает тех, кто думает, что совершает что-то дурное, потому что знает, что они не посмеют прибегнуть к закону. Вот почему у Малькольма Пономаря уйма денег.

Если верить Малькольму Пономарю, все, кого бы он ни встречал, включая полицейских, служащих тюрем и соперников в преступном мире, уважали его за смелость, прямоту и непревзойденные бойцовские качества.

– Хочешь знать, в чем мой секрет? «Брюхо и брюква». Врежь в брюхо, а когда противник согнется, вмажь в брюкву.

Пономарь уже окрестил свои мемуары.

– Говоришь «Малькольм Пономарь», и что первое приходит в голову? – возбужденно спросил он Билли. – Манчестер. Малькольм Пономарь и есть Манчестер. Поэтому, думаю, нашу – мою – книгу мы назовем «Мистер Манчестер».

К середине апреля Билли закончил черновой вариант первой главы «Мистера Манчестера». Читалась она скорее как «Мистер Дерьмо», поскольку подражала академической традиции, углубляясь в неважные и утомительные подробности о бабушках и дедушках Пономаря и цене на хлеб в Солфорде в 1924 году. Дядя Рой, младший брат матери Пономаря, во время Второй мировой войны был сознательным уклонистом от воинской повинности. Самое раннее воспоминание Пономаря – как его мать бросает горшок с мочой младенца Малькольма в своего трусливого брата на дворе их трущобы в Гульме.

Прочитав главу, Пономарь пригласил Билли на обед в «Марроканца». Сидя вдвоем, без элиты и шестерок, они попивали ледяные «манхэттены» за самым лучшим столиком.

– Если и дальше пойдет так же хорошо, – сказал Пономарь, – впросак мы не попадем.
– Но ничего не происходит.

– Что ты хочешь сказать, мать твою? На этих гребаных страницах рождается Малькольм Пономарь. Это эпохальное событие в истории Манчестера. Я важная шишка, приятель. На каждый пенни, что есть у тебя, у меня по двадцатифунтовой банкноте. Мое имя знают в Ньюкастле, Лидсе... да по всему сраному Земному шару. А вот когда ты родился, вообще ничего не случилось.

– Аминь, – отозвался Билли и поднял стакан.

Несколько смягчившись, Пономарь бросил на Билли озабоченный взгляд.

– Так что значит «ничего не происходит»?

Насколько возможно тактично, Билли объяснил, в чем проблема:

– Вы как будто пытаетесь представить себя образцовым гражданином, которого несправедливо опорочило снобистское общество.

– Ну и что?

– Вы утверждаете, что не крадете, что крали лишь мальчиком в лавках.

– Верно.

– По вашим словам, вы также чураетесь насилия. А я случайно знаю, почему вы попали в тюрьму, когда вам было семнадцать. Вы ослепили в драке человека.

– Ах это! Просто кровь по молодости играла.

– И вам его не жалко?

– Он, мать его, это заслужил.

– Чем?

– Я назвал его лжецом, а он не видел в чем.

– Ну, если вы его ослепили, то он и не мог ничего видеть, верно?

Пономарь угрюмо уставился на Билли.

– Так что вы мне впариваете? – улыбнулся Билли. – Что вы просто мягкий миролюбивый гражданин, который старается со всеми уживаться?

– Ладно, – согласился Пономарь. – Признаю, за прошедшие годы мне пару раз приходилось защищаться от нескольких придурков, которые напали на меня без всякой на то причины. Ну да, мне случалось вмазать им слишком крепко. Проблема в том, что я не умею соизмерять силу, черт меня побери.

– И вы ни разу не ударили никого, кто этого не заслуживал бы?

– Ни разу.

– Вы когда-нибудь отрубали кому-нибудь руки топором?

– Глупее вопроса в жизни не слышал, и если услышу, что ты его повторяешь, просто пришью.

Однажды вечером Зверюга попросил Билли об услуге. Зверюге было велено проехать в аэропорт Рингвей и забрать там посылку. Не хотелось бы Билли прокатиться? Билли с готовностью согласился, надеясь, что удастся вытянуть из Зверюги кое-какую общую информацию – для придания книге атмосферы.

По дороге Зверюга остановился у круглосуточной аптеки купить упаковку «дюрексов». Зная, что он разведен и живет один, Билли спросил, зачем ему презервативы.

– Время от времени балую себя классной мастурбацией, – тихо и с хрипотцой признался Зверюга.

Билли спросил, что Зверюга думает про своего босса.

– Не для протокола?

– Конечно.

– Ты лживый кусок дерьма, Уильям.

- Знаю. Но что ты о нем думаешь?
- Жалоб нет. Он босс. Все боссы одинаковы.
- Но он тебе нравится?
- Ну, видишь ли, может, я становлюсь злым под старость, но, насколько я знаю, мне никто не нравится.
- Он хоть кого-нибудь шлепнул?
- Да. В прошлое воскресенье. Муху на подоконнике.
- Ха-ха, как смешно.
- Зверюга улыбнулся.
- «Шлепнул» говорят только недотепы.
- Спасибо.
- Мы предпочитаем «пришил» или «завалил».
- Мальк когда-нибудь кого-нибудь «завалил»?
- Насколько мне известно, нет.
- Тогда откуда у него слава психа с топором?
- Зверюга вздохнул.
- Тебе следует кое-что понять, Билли. Те, кто не в ладах с законом, имеют обыкновение преувеличивать. Если малому почикали физию, так что ее нужно залепить пластырем, мы говорим, что ему отрубили руки-ноги топором и оставили истекать кровью в канаве. Так жизнь становится чуть интереснее, сам понимаешь. Без пары-тройки баек мир стал бы скучным.
- Лапшу мне на уши вешаешь, да?
- Ну, может, чуть-чуть. Но если серьезно, как, по-твоему, Мальку удалось ни разу за столько лет не попасть в тюрьму? Не в том ведь дело, что он такой законопослушный, верно? Он просто избегает делать чего-либо, что можно до него проследить. Поэтому он никого не заваливает, и ребята, которыми он себя окружил, тоже. Мы чисты, Билл.
- Зверюга погудел петляющему впереди велосипедисту.
- Ты когда-нибудь ломал кому-нибудь ноги? – спросил Билли.
- Не-а.
- Тогда что ты делаешь, когда кто-то должен тебе деньги и отказывается платить? Приходишь и корчишь ему рожи?
- Чего ты от меня хочешь, Билли? Ты же не обо мне пишешь. Понимаешь, о чем я? Когда читаешь про Элтона Джона, тебя же совсем не интересует, кто делает для него парики.
- А Элтон Джон правда носит парик? Не шутишь?
- Зверюга рассмеялся, но следующий вопрос Билли стер с его лица улыбку:
- Что случилось с Брайаном?
- Пальцы Зверюги сжались на рулевом колесе.
- Не знаю, о чем ты.
- Я уже несколько недель его не видел. Наверное, с ним что-то случилось.
- Не стоит тратить времени, волнуясь за воровство гаденыша.
- Я и не волнуюсь. Просто хочу знать, где он.
- Кто я, по-твоему? – возмутился Зверюга. – Его подруга? Откуда мне, черт побери, знать?

Выждав день, Билли пешком добрался в Ардвик и вскарабкался по темной от мочи лестнице к муниципальной квартире Брайана. Был ранний вечер. Сперва он решил, что ошибся адресом: окна заколочены досками, стекла выбиты. Потом он увидел на двери стакер с Бартом Симпсоном. Несколько раз постучав, Билли позвонил в соседнюю дверь. Никакого ответа, поэтому он попробовал снова. Клапан почтового ящика приподнялся, и Билли услышал старушечий голос:

– Мэриен? Это ты?

– Я не Мэриен, – ответил Билли. – Я ищу людей, которые раньше жили рядом с вами. Вы, случаем, не знаете, куда они делись?

– У них был маленький?

– Ага. Это они.

– Нет, милоч. Извини, я их не знаю.

– А что с окнами случилось?

– С окнами? Что с моими окнами?

– Не с вашими. С их окнами. Они все разбиты.

– Ах это, такое тут сплошь и рядом, милоч, случается.

Клапан тихо закрылся.

Спускаясь, Билли заметил на ступеньках капли засохшей крови. Кровь на улицах Ардвика не редкость, но Билли встревожился. Назад в Левенгульм он шел как в тумане, уверенный, что Брайан мертв и что казнили его по приказу Пономаря.

Когда он проходил мимо переживавшего светофор «ягуара», стекло пассажирского сиденья опустилось и из машины высунулась голова Зверюги. Гангстер как будто искренне обрадовался Билли.

– Билли! Приятель! Куда путь держишь?

– Домой.

Подмигнул, перегнувшись через Зверюгу, Док.

– А мы выпить по пинте. Как насчет того, чтобы поехать с нами? А потом отвезем тебя назад?

– Спасибо, нет настроения.

– Брось, – не унимался Зверюга. – Повеселимся. Билли помедлил, а потом, словно изнутри его что-то подтолкнуло, открыл заднюю дверцу и сел.

– Куда хотел бы? – спросил у Билли Зверюга.

– Не важно.

– Я знаю один симпатичный паб, – вмешался Док.

– Доктору нравятся титьки хозяйки, – объяснил Зверюга. – Он надеется сделать им полное медицинское обследование.

– По мне, куда угодно, – отозвался Билли.

Док спросил, как продвигается книга.

– Довольно медленно, – признался Билли.

– Сворачивайся поскорей, ладно? – подстегнул его Зверюга. – Тогда сможем продать права на экранизацию в Голливуд.

– Вот именно, – поддакнул Док. – «История Малькольма Пономаря». В роли маленького Малькольма Аль Пачино.

– И Гаррисон Форд в роли Зверюги, – добавил Зверюга.

Сняв руку с рулевого колеса, чтобы изобразить свое имя в титрах, Док объявил:

– На главную роль «Доктора» приглашен Том Круз. Ну прямо его двойник.

– Интересно, кто сыграет Билли? – задумчиво протянул Зверюга.

– Как насчет Мадонны? – предложил Док.

– Отвяньте, – сказал Билли.

* * *

Они поехали в Дидсбери, но не в «симпатичный паб», а в большой задымленный мавзолей. Гангстеры потешались над штанами Билли, но не давали ему платить за выпивку. Раскрасневшись от «Гиннеса» и теплой сквернословающей компании, Билли забыл про Брайана и понемногу расслабился. Направляясь к выходу, мимо их столика прошел молодой парень с синдромом Дауна в приплюснутой шляпе и с корзинкой из супермаркета. Он робко улыбнулся Билли и одобрительно поднял большие пальцы.

Билли толкнул локтем Дока.

– Лучше пригнись. В любой момент может взорваться.

Зверюга рассмеялся, а Док неодобрительно покачал головой.

– Ты бы так не ерничал, если бы с тобой такое случилось.

Потом Зверюга сознался, что в семидесятых подвизался певцом в кабаре на севере.

– Грэхем Уэйн звучит не слишком шикарно, поэтому я звал себя Вейн Грэхем. Умно, а? Смеха ради я всегда заканчивал «Ради бога, стащи их оттуда».

– Уверен, все со стульев падали, – автоматически выстрелил Билли.

– Неизменно, – согласился Зверюга, не догадываясь, что над ним насмеются. – Понимаешь, мало выйти на сцену и спеть. Нужно поддерживать сценический имидж.

– В точку. Нужно. Еще как, – вторил повеселевший Док. – Как, скажем, когда я был Людоедом.

– Когда ты кем был? – изумился Билли.

– Людоедом, – повторил Док. – В былые дни я перед выходом на ринг натягивал коврик из тигровой шкуры. «Людоед, ужас джунглей». Я выступал Людоедом три с половиной года.

– Выходит, не слишком стойкая реприза? – заметил Билли.

Билли пошел в сортир. Там было пусто. Когда он встал у писсуара, ему отчаянно хотелось мочиться, но ничего не получалось. В ожидании струи он даже расшифровал вопрос, нацарапанный на белой плитке прямо у него перед носом: «И ты это называешь хреном?»

Дверь с грохотом распахнулась. Обернувшись, Билли увидел, что на пороге, глупо помаргивая, стоит Зверюга.

– Ах вот ты где. Что ты тут делаешь? Мы тебя заждались.

– С каких это пор вы так заботитесь о моем благополучии? – недоуменно спросил Билли.

Вместо ответа Зверюга прошаркал к соседнему писсуару. Билли наконец удалось помочиться, поэтому двое мужчин стояли бок о бок, в полной гармонии пуская струи – точь-в-точь школьники.

– Какая идиллия, – пробормотал Билли. Зверюга только хмыкнул, не желая ни соглашаться, ни противоречить.

Вернувшись за стол, они обнаружили, что Док заказал всем двойной бренди. После первого же глотка Зверюга потерял интерес к своей выпивке и вылил остатки в рюмку Билли. А тот не сознавал, насколько же надрался, пока не настало время уходить. Он едва держался на ногах, и Зверюге с Доком пришлось эскортировать его к двери.

На улице они помогли ему сесть в машину. Зверюга сунул в кассетник «Величайшие хиты "Иглз"» и стал подпевать «Отелю Калифорния». Словно это было недостаточно депрессивно, машина направилась к Уитингтонской больнице, где умерла бабушка Билли. У Билли кружилась голова, он чувствовал себя больным и несчастным. По левую руку плыли белые кресты Южного кладбища.

– Куда мы едем? – спросил Билли. – Домой нам не сюда.

– Видок у тебя неважный, – сочувственно заметил Док.

Они обогнули просторное кладбище и остановились у закрытых кованых ворот. Выйдя из машины, Док достал откуда-то ключ и отпер висячий замок. Машина мягко скользнула в ворота. Закрыв их, Док снова сел на пассажирское сиденье.

– Так что вы задумали? – поинтересовался Билли. – Похоронить меня?

– Ничего личного, Билл, – ответил Зверюга. – Но не хотелось бы, чтобы ты наблевал в машине.

Когда расступились деревья, посаженные вдоль короткой извилистой асфальтовой дорожки, машина затормозила: с холма открывалась гигантская панорама могил. Надгробья словно бы парили в кромешной тьме.

– Зачем мы тут остановились? – запротестовал Билли, наконец почуяв неладное.

– Все равно сблюешь, – сказал Зверюга. – Почему бы не здесь?

– На кладбище?

– А что в этом дурного? – невинно поинтересовался Док. – Ты тут никому не мешаешь. Ты же не хотел бы, чтобы люди видели, как ты блюешь на обочине, правда?

– Отвезите меня домой, – попросил Билли. – Я там поблюю.

Достав из бардачка фонарик, Зверюга его зажег. Потом вышел из машины, подошел к двери Билли и открыл ее. Билли поглядел на него с сомнением.

– Вы ведь не собираетесь меня пристрелить, а?

– Пристрелить? – Зверюга захихикал и повернулся к Доку. – Слышал, что он сказал?

Закивав, Док расхохотался.

– Он параллелик, мать его!

– Думаю, ты хотел сказать «пароник», – едва ворочая языком, поправил Билли.

С бесконечной осторожностью он выбрался из машины и пошатнулся, пытаясь обрести равновесие.

– Ну надо же! – сказал Зверюга, отечески кладя ему руку на плечо.

Билли поежился. Легкий ветерок шуршал листвой. Бледные звезды затянуло тонкой дымкой облаков. Гангстеры повели Билли по узкой тропинке, по обеим сторонам которой вставали треснувшие склепы и поблескивающие надгробия. Воздух полнился нездоровым запахом влажной земли и тлена. Док шел впереди. Зверюга – за Билли. Внезапно остановившись, Билли нагнулся и заблевал чье-то последнее пристанище.

– Ну и мир, – отплеываясь, пробормотал он, в носу у него свербело теплое пиво и бренди.

Когда он закончил, Зверюга распрямил его со словами:

– Если тебе в этом мире так скверно, Билл, зачем за него цепляться?

Словно по команде Док развернулся, занес огромный кулак и вмазал Билли в переносицу, раздробив кость. Раз чертыхнувшись, Билли упал. На глаза у него невольно навернулись слезы. Боль была невыносимой.

– Думаешь, ты очень остроумный, да? – взревел Док. – Тогда вот над этим посмейся.

Билли ошарашенно поглядел на Зверюгу, ожидая, что он вмешается. Но тот только покачал головой. Тут снова вступил Док, изрыгая оскорбления и обрушивая удары на голову, ребра и спину Билли.

– Книжный червь сраный!

Уткнувшись лицом в землю и закрывая голову руками, Билли свернулся калачиком, ожидая, когда придет забытье. Потом вдруг тишину разорвал ужасный оглушительный взрыв, эхом прокатившийся по разрушающимся надгробьям. Сперва Билли решил, что стреляли в него, но, приподняв голову, увидел, что ни у Дока, ни у Зверюги нет пушек. Оба смотрели куда-то в темноту.

– Лучше сваливать, – прошептал Зверюга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.